
ЖИТИЕ СЯТТЕЛЯ МАКАРИЯ (НЕВСКОГО; 1835–1926), МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И АЛТАЙСКОГО

Выдающийся труженик на ниве церковной, апостол Христов нового времени, святитель Макарий родился в праздник Покрова Пресвятой Богородицы в 1835 году в селе Шапкино Ковровского уезда Владимирской губернии¹. Он был восьмым ребенком в очень бедной семье Андрея Парвицкого, причетника сельского храма Рождества Пресвятой Богородицы². Ребенок был очень слаб и не оставлял надежды остаться в живых. Поэтому он был сразу же крещен с именем Михаил и в белой крестильной рубашке положен под святые иконы в ожидании смерти. По молитвам родителей младенец остался жить.

Это было первое чудо в его жизни, отмеченной многими духовно незаурядными событиями. Благодатная помощь Божия и Покров Богородицы не оставляли его на протяжении всей его девятидесятилетней жизни. Первые часы стали как бы прообразом его земного пути: «Всю свою долгую жизнь в разных положениях и даже на высоких служебных постах он так мало брал от жизни, так слабо был связан с земным»³.

Многодетная семья Андрея Парвицкого испытывала тяжкие лишения. Особенно ухудшилось положение, когда сгорел их дом. Несколько месяцев многодетная семья жила в тесной церковной сторожке. О детстве своем митрополит рассказывал, когда в 1913 году посетил родное село. Он вспомнил, как однажды родители ушли пешком в Москву по житейским нуждам, поручив всех детей заботам старшей дочери. На пропитание был оставлен хлеб. Родители на несколько дней задержались, а хлеб кончился. Дети вынуждены были есть клевер⁴.

С раннего детства Михаил полюбил молитву. Епископ Арсений (Жадановский), хорошо знавший владыку, писал о той духовно-нравственной атмосфере, в какой воспитывался будущий наставник

христианских добродетелей: «Родители Михаила, при всей своей нищете материальной, были богаты благочестием. В строгости христианской воспитывали они детей. Родительские молитвы, особенно материнские, укрепляли и защищали их»⁵.

Михаил унаследовал от матери нежность сердца и любовь к молитве. С первых лет жизни он был при храме. Когда при посещении в 1913 году родного села митрополит Макарий вновь увидел дорогую его сердцу сельскую церковь, в душе его пробудились воспоминания о пережитом: «Вот теперь передо мной как живые встали картины моего раннего детства... Вот этот клирос правый... Здесь я помогал своему отцу петь... А здесь я разжигал кадило... Как живую, я сейчас вижу свою мать, стоящую рядом с нищими... И как она горячо всегда молилась и меня, тогда еще малютку, нередко ставила рядом с собой и заставляла преклонять колена во время молитвы... Помню, как я горячо однажды взывал к Богу со своей просьбой послать мне тулупчик, так как по бедности родителей я не имел теплой одежды, и Господь послал мне... Рос я хилым и слабым ребенком, и мне многие предрекали раннюю смерть... да и смерть дважды хватала меня в свои холодные объятия: однажды я полузамерз на льдине, а в другой раз был убиваем разбойниками. Но молитва матери спасла меня от напрасной смерти, и по ее молитве я стал тем, чем есть теперь...»⁶

Мать иногда ходила с котомкой в Москву к своему родному брату протоиерею Иоанну Рождественскому⁷, которого владыка Макарий весьма чтит.

Бедность и нищета детских лет явились для будущего подвижника веры подлинной школой жизни, а родительское благочестие научило его с христианским терпением переносить жизненные лишения. Одна из его архипастырских проповедей имеет поучительное название: «Не всякий богач будет осужден и не всякий бедняк будет награжден. Поучение в Неделю 24-ю по Пятидесятнице». Проповедь заканчивается призывом: «Братие! Будем чаще вспоминать притчу о богатом и Лазаре, чтобы не видеть горькой участи первого и удостоиться за терпение и смирение вместе со вторым быть не с Авраамом только, но с Самим Христом в раю»⁸.

Горькая нужда раннего детства, несомненно, подготовила Михаила к многотрудной, полной суровых лишений миссионерской жизни⁹. В 1843 году, побуждаемый крайней нищетой и желанием из пономаря сделаться дьячком, Андрей Парвицкий исполнил свое давнее желание

оставить родные места и переселиться в далекую Сибирь. Многочисленная семья направилась в Тобольск. Путь был очень трудным. Дорогой часто нечем было кормить детей. Хотя Андрей Парвицкий желаемого места дьячка в Сибири не получил, переезд туда был важным событием в жизни будущего владыки. Тут видится действие Божественного Промысла: именно в Тобольске у Михаила Парвицкого-Невского родилось желание поехать миссионером на Алтай.

Михаил поступил в Тобольскую Духовную семинарию. К этому времени отец с семьей переехал в село Верх-Ануйское Томской епархии. Отрок остался один. Тоска по любимой матери сильно повлияла на его характер. У него появилась тяга к уединению. Он много читал: Священное Писание, творения святителя Тихона Задонского и преподобного Ефрема Сирина, житие преподобного Серафима Саровского. Кроме семинарии и храма Михаил нигде не бывал. Такая сугобо религиозная настроенность дала ему возможность сохранить душевную чистоту, однако «от усиленных занятий и неумеренного постничества силы юного аскета оказались настолько подорванными, что он сильно заболел и был близок к смерти. Но Господь сохранил его, здоровье Михаила скоро поправилось, хотя слабость и недомогание были его спутниками все последующие годы жизни»¹⁰.

В 1854 году Михаил окончил Тобольскую Духовную семинарию вторым по разрядному списку. Столь серьезные успехи давали ему возможность продолжить учебу в Духовной академии, но побуждение способного юноши продолжать изучение богословских наук уступило горячему желанию жертвенного служения Богу и людям. Об этом вспомнил он тридцать лет спустя в речи, сказанной при наречении его во епископа Бийского: «Не суждено было мне уготовиться к высокому служению святительства в высшем святилище наук, хотя было звание к тому и раз, и два. Смею думать, что не случайно, но промыслительно было сие, да не уклонюся от пути миссионерства, мне предназначенного и душою моею от юности излюбленного, — ибо еще на школьной скамье мысль о миссионерстве занимала меня. Известия об апостольских трудах патриарха российских миссионеров (святителя Иннокентия (Вениаминова). — *Ред.*) влекли сердце мое к алеутам американским; но Промысл Божий случайным разговором со мной одного из присных моих указал мне путь к телеутам алтайским, в Алтайскую миссию, где и обретен мною мир душе, томившейся исканием пути, *в онъже пойду* (Пс. 142, 8)... Тридцатилетняя жизнь на Алтае была для неопытности

моей той академией миссионерства, какую некогда открыть предполагалось в центре России...»¹¹

Выбор этот, в котором так явственно проявились высокие, истинно христианские стремления души, определил направление всей его долгой жизни. Современник митрополита Макария, святой равноапостольный Николай Японский, сам на заре жизни сделавший выбор, почти никому не доступный по тяжести его креста, лучше других мог оценить это решение: «В тот период ранней молодости, когда человек лишь только получает способность к самоопределению, Вы определили себя на служение миссии», — писал он в 1911 году святителю Макарию¹².

Родители благословили Михаила, и он 22 февраля 1855 года был принят в звании учителя и миссионерского сотрудника в Алтайскую миссию, в которой до него подвизался ее преподобный основатель — архимандрит Макарий (Глухарев; 1792–1847)¹³. В 1855–1857 годах он служил псаломщиком в улалинской церкви и учителем церковного пения в Улалинском училище.

Есть немало свидетельств о тех тяжелых жизненных условиях, в которых совершалось это великое христианское дело. Сам владыка Макарий об этих десятилетиях вспоминал: «Служение миссионерское, как служение апостольское, есть более всего ряд скорбей, болезней и трудов. <...> Мы не говорим уже о трудностях миссионерских путешествий, которые доводится совершать редко в экипаже, никогда в вагоне, но нередко пешком, на лыжах, часто верхом, на лодке, под дождем, иногда в снежную метель. Всё это — болезни и труды для тела. Но есть страдания большие — страдания души. Миссионер — страдалец: он страдает душой в начале служения своего от среды, в которую попадает: там нет ни родной семьи, ни родного общества, ни привычной для него жизненной обстановки. Среди инородцев, сперва чуждых для него по языку, по обычаям, чужой и для них, он чувствует иногда ужасную истому от одиночества; он не обретает здесь человека, с которым мог бы поделиться своим горем, поведать свою скорбь и в дружеском или братском разговоре найти для себя некоторую отраду. <...> Немалую тугу для миссионера составляет недостаток материальных средств; таковой недостаток и всегда чувствителен, особенно для семейных, и в начале существования миссии миссионеры буквально нищенствовали. <...> Одежда у них была столь убога, что когда они были посылаемы в ближайший город по делам миссии, то городские жители тотчас узнавали явившегося по одежде его, что он из миссии:

на подоле ремки, рукава дырявы, сапоги таковы же. Вот миссионер отправляется в путешествие. Чем он тогда питается: утром — чай с сухарями, днем — сухари с чаем, вечером — опять чай с сухарями, иногда, для разнообразия, чай с толокном»¹⁴.

В самом начале миссионерской деятельности молодому труженнику Алтайской миссии было явление основателя ее, архимандрита Макария (Глухарева). Сам владыка в письме к орловскому протоиерею Илье Ливанскому рассказал об этом так: «Я, грешный, в первый или второй год по поступлении в миссию много был утешен и ободрен явлением его во сне. Я видел его явившимся мне в алтаре, когда оттуда был услышан шум в самом храме. Указывая на этот беспорядок как на последствие нерадения тех, которым поручена улалинская паства, он сказал мне: "Ты здесь после меня обучайся". Считаю эти слова пророческими»¹⁵.

Новому служению Михаил посвятил себя всецело. Миссионерство стало для него смыслом всей жизни. Самоотвержение и любовь к делу в новом сотруднике вскоре заметил начальник Алтайской миссии протоиерей Стефан Ландышев¹⁶. По рассказам А. Макаровой-Мирской (урожденная Ландышева), он говорил: «Будет из него толк, из помощника моего нового: смотрю на него и незабвенного (то есть архимандрита Макария (Глухарева).— *Ред.*) вспоминаю... бывало, так же горел, на дело рвался, и всё ему казалось мало — и ни помысла о мире, о семье... будущий инок... Помяни меня, преемник будет незабвенному архимандриту, первому Алтая апостолу»¹⁷.

Первые годы служения на Алтае Михаил посвятил изучению языка алтайцев. Дело шло весьма трудно; тогда он стал усиленно молиться Матери Божией, и вскоре чудесным образом овладел новым языком. Молодой проповедник всё свое время проводил в далеких аилах, проповедуя истинную веру. Известны плоды этих трудов. В записках многолетнего алтайского миссионера отца Василия Вербицкого¹⁸ рассказывается о двух юношах, которые зимой 1857 года пришли к нему из аила Ужлэпа¹⁹ и попросили крестить их. Отец Василий убедился, что они хорошо наставлены в вере и даже знают некоторые молитвы. «Мы знаем о Боге,— скромно, но убедительно сказал старший.— Ведь он приходил к нам летом — тот, кто научил нас Его любить... такой молодой, добрый... ах, как говорил нам с Кобрахом о том, как любит Господь крещеных людей, потому что Он им Отец, и как хорошо быть детьми такого Отца... Нам никто не мешал: мы сделали ему, шалаш

из ветвей, потому что пошли дожди. И четыре дня он был с нами... Не разводя огня, проводил он ночи, потому что не хотел, чтобы о нем узнали, пока он нас не научит, и на пятый день сказал нам с грустью, что должен идти к другим...»²⁰. Отец Василий стал расспрашивать новообращенных, как выглядит их наставник. «Мне сразу же подумалось, что их учитель был наш сотрудник — Невский, юноша с горячим сердцем, но он постоянно был на деле при миссии и не мог бродить по далеким аилам, так как имел мало досуга... Кто же был этот Божий слуга, чья душа томилась о подвиге и чьи ноги обтекали глухие углы Алтая, ища для Господа людей?»²¹

Несколько месяцев спустя отец Василий проезжал то село, в котором жили юноши, принявшие крещение. Он встретился с ними. «Мы ехали тихо и близились к цели, разговаривая между собою, когда из-за поворота с горы, почти на нас, немного забирая влево к горной тропе, выехал всадник без проводника.

— Брат Михаил! — крикнул я. Я поехал к нему быстро, но мои спутники перегнали меня...

— Добрый наш, мы тебя искали везде и нашли, слава Богу...

Они говорили, перебивая друг друга, а он сидел, полный смущения, стараясь не смотреть на меня, и сказал своим тихим голосом, обращаясь ко мне.

— Простите, отец Василий, что я не дождался вас; там всё сделано, а в вершине Карасука есть больные.

— Простите меня,— наклонился он к молодым новокрещеным,— я рад за вас... Я приду к вам, но теперь мне нужно спешить... Простите меня...

И, подогнав коня, быстро поехал по каменистой оснеженной дороге, озаренной розовыми тонами заката. А мои новокрещенные, сняв шапки, смотрели ему вслед с радостными лицами, не садясь на лошадей...

У меня шибко билось сердце, и слезы просились на глаза... Так вот кто был Божий слуга, смиренно скрывавший свой подвиг и не хотевший пожинать плодов своего труда! Я понял его ранний отъезд: он ждал нас только поздним вечером и, узнав, что со мной едут те, души которых он привлек ко Христу, поспешил уехать, чтобы никто не узнал о его смиренном подвиге, которому он отдавал дни досуга. Теперь я вспомнил, что и другие миссионеры говорили о случаях, подобных моему, и благословил имя нашего молодого сотрудника. Мне подумалось, что

такие будут светочами юной миссии нашей и из него выйдет лучший апостол Алтая»²².

В 1857 году Михаил становится рясофорным послушником. 16 марта 1861 года он принял монашеский постриг с именем Макарий в память преподобного Макария Великого (память 19 января / 1 февраля). На другой день епископ Томский и Енисейский Порфирий (Соколовский) рукоположил его в иеродиакона. 19 марта состоялась иерейская хиротония. После этого иеромонах Макарий был направлен на миссионерское служение в Чемальский стан. С принятием священства миссионерские возможности отца Макария расширились. И раньше он проповедовал и научал основам христианства тех, кто откликнулся на его проповедь. Он также готовил людей к причащению. Теперь он мог сам крестить, преподавать Святые Христовы Тайны и, насколько позволяли условия, совершать службы.

Алтай являл собой разительный контраст между по-царски роскошной, поражающей взор своей красотой природой этого края и убогой жизнью его обитателей. Нищета, жалкий быт. Отсутствие медицинской помощи и постоянная грязь в жилище вызывали кожные и другие болезни. Люди суеверны, сознание примитивно. На религию смотрели только с точки зрения практической пользы. Трудно было таким людям открывать духовную высоту истинной веры. Чаще всего к миссионеру обращались в состоянии тяжелой болезни, выражая готовность креститься, если он исцелит их. Поэтому отец Макарий нередко действовал как врач. Хотя медицинские знания его были весьма необширны, аптечка скудная, он доставлял облегчение людям, восполняя недостаток материальных средств усиленной молитвой.

Господь нередко через него совершал чудеса. Тяжело болел мальчик Алас в одном далеком аиле близ озера Канунь. Он бредил, лицо было обезображено. Отец больного привез к нему, отца Макария.

— Оспа, да? — сказал гость, подходя к бредившему ребенку. — Бедный Алас... закройте вход... вот, я привез масло, святое масло, я помажу его...

Мальчик пришел в себя, его руки с трепетом протянулись к священнику.. Присев у огня и глядя его горячую головку, священник стал говорить о Рождестве, о тайне искупления — просто, понятно, тихо и спокойно. И старый хозяин юрты, и мать ребенка, и больное дитя слушали жадно, пока мальчик не уснул успокоенный, сжимая крест в худенькой смуглой руке.

— Ну, мне надо ехать,— сказал миссионер.— Ему лучше, Кургай, он выздоровеет...

И, склонившись к ребенку, начавшему дышать тихо и ровно, он поцеловал распухшее личико, не боясь заразиться, и вышел, спокойный и тихий, во мглу морозной ночи, совершив свое дело любви²³. Мальчик поправился.

Известен рассказ об исцелении отцом Макарием алтайца, находившегося по понятиям медицины в безнадежном состоянии. У больного была запущенная гангрена. Заклинания не помогли. Больной худел, тяжело страдал, а родственники избегали его как порченого. К физическим страданиям присоединились и нравственные. В таком положении, находясь в состоянии отчаяния, больной издалека едет вместе с женой к отцу Макарию в смутной надежде найти у него помощь. «Отец Макарий обмыл руку и, порывшись в аптечке, нашел лекарство.

— Прими это внутрь,— ласково говорит он язычнику,— и думай о Боге, Творце мира, о Христе, исцеляющем недуги, проси Его: Христос, исцели!

— Христос, исцели! — сказал алтаец, как заклинание, трепещущим голосом, и его жена повторила его слова.

Вера отца Макария передалась им и зажгла в их сердцах надежду. Через некоторое время алтаец выздоровел и крестился. Духовная семья отца Макария увеличилась»²⁴.

Делу обращения алтайцев много способствовало обаяние светлой личности миссионера, в любую погоду спешившего на помощь страждущему. Отец Макарий «обладает каким-то особым секретом располагать и притягивать к себе всех, с кем он встречается. Он не просто проповедует. Он входит в подробности жизни ближнего, знакомится с его нуждами, а затем уже просвещает его... Даже когда он нездоров и его лихорадит, он не бережет себя: служит, проповедует, лечит», — писал о миссионерском служении отца Макария его современник²⁵.

Известен случай, когда отец Макарий высосал яд из ноги мальчика, укушенного змеей. Проводник его, местный житель, предостерег: «Если тебе попадет яд, ты умрешь». Миссионер спас мальчика и остался жив²⁶. Это происходило в присутствии родственников, в том числе отца мальчика, встретившего сначала появление миссионера в этих местах злобными угрозами. Они никогда не видели проявления столь жертвенной любви. «Сколько было случаев, когда отец Макарий

подвергался явной опасности, и он шел на нее спокойно и уверенно, если видел, что это необходимо для спасения вверенного ему духовного стада. Особенно памятен случай, когда отцу Макарию угрожала опасность быть убитым озверелой толпой. Был праздник, отец Макарий только что закончил службу в церкви, как ему сообщают, что в одном из селений часть инородцев возмутилась и пошла с кольями на другую... Многие были уже тяжело ранены, были и убитые... Как ни отговаривали отца Макария, указывая ему на явную опасность, он остался непреклонен. Он немедленно отправился туда, и его появление поразило дерущихся своей неожиданностью. Вначале оно их как будто еще более озлобило. Слова увещания не действовали.

— Зачем он здесь? — закричал предводитель одной из сторон и ударил отца Макария.

— Вот тебе, — крикнул он.

Отец Макарий упал, но быстро поднялся и продолжал говорить. Смелые, ясные глаза миссионера и его бесстрашная проповедь покорила обе враждующие стороны... За минуту [до того] дикие и полные гнева, алтайцы теперь окружили его, целовали его руки и просили у него прощения»²⁷.

Выдающимся вкладом в дело алтайского миссионерства была переводческая деятельность владыки Макария. Освоив еще в начале служения язык местных жителей, он постепенно овладел им в совершенстве. В 1864 году иеромонах Макарий прибыл в Санкт-Петербург для печатания в Синодальной типографии богослужебных переводов на алтайский язык. Пробыл в столице он два года. Живя в Духовной академии, он каждый день ходил пешком в Синодальную типографию, находившуюся в здании Святейшего Синода, и, проведя в работе весь день, возвращался пешком домой, неся новые корректуры. Вся работа по правке корректур и сношениям с цензором алтайских изданий лежала на нем. Здесь он познакомился с профессором Н. И. Ильминским²⁸. Сотрудничество с этим выдающимся ученым и подвижником было очень плодотворным (особенно в Казани в 1868–1869 годах). В 1867 году отец Макарий вновь прибыл в столицу и трудился там до июля 1868 года. За эти два срока его пребывания в Санкт-Петербурге были напечатаны: Литургия святителя Иоанна Златоуста; Священная история Нового Завета; воскресные Евангелия, читаемые на литургии; Евангелия воскресные, читаемые на утрени на двенадцатые праздники и на Страстную седмицу; последование часов

и изобразительных; огласительные поучения для готовящихся ко святому Крещению; последование святого Крещения.

«Большая часть этих книг вновь переведена была отцом Макарием, и только некоторые были переведены до него, а им были пересмотрены и исправлены, причем окончательно установлена была транскрипция алтайской письменности. Во всяком случае, ему принадлежит напечатание первых книг на алтайском языке... Переводы иеромонаха Макария и его сотрудника Чевалкова положили прочное начало той, обширной уже, переводной письменности алтайской, которая до того развивалась на данных им началах. Начала эти заключались в следующем: перевод на одно из алтайских наречий (телеутское), но с выбором таких слов и оборотов, которые делали бы переводимое понятным алтайцам, говорящим на других наречиях; изучение духа и конструкции алтайского языка, его внутреннего и внешнего склада, чтобы перевод воспроизводил в уме инородца те же мысли и чувства и в том же порядке и направлении, в каком русский текст производит в уме русского; свободное творчество в создании новых слов и в установлении христианской терминологии на алтайском языке, понятной инородцам и в то же время нисколько не напоминающей им прежних образов языческой веры»²⁹.

Переводы на таких началах делались очень тщательно и обдуманно. Отец Макарий, чтобы найти и ввести в употребление новый термин, нередко специально отправлялся на несколько недель или месяцев в глухие места Алтая и после многих бесед с местными жителями, убедившись, что для выражения того или иного христианского понятия подходит, а для алтайцев понятно то, а не другое слово или выражение, принимал его к употреблению. Отец Макарий пришел к тем же мыслям и принципам перевода русской речи на язык инородцев, к каким в то же время пришел в Казани Н. И. Ильминский.

Важным событием в просветительской деятельности Алтайской миссии было составление в 1868 году совместно с Михаилом Чевалковым³⁰ алтайской азбуки. «Составлена она применительно к звуковому способу, и притом так, что по ней обучение начинается чтением на алтайском языке, затем делается переход к русскому, и потом текст идет совместно на двух языках. К азбуке приложены главнейшие молитвы и книжка для чтения из мест Священного Писания, составляющих в общем краткое, но цельное изложение догматического и нравственного учения»³¹.

Переводческая деятельность отца Макария была весьма многоплодной: он перевел на алтайский язык сначала Евангелие от Матфея, а позже Четвероевангелие, из богослужебных книг: всенощное бдение, пение на всенощном бдении и литургии, учебный Часослов, Требник с дополнениями, правило для готовящихся к святому причащению, полный Служебник на алтайском языке со славянским текстом.

Проповедь и крещение обратившихся язычников были лишь первым этапом утверждения православия. Дальнейшая работа требовала просвещения и обучения началам христианства новообращенных. Нужно было организовать на Алтае школьное дело, чтобы, просвещенные Христовой истиной, алтайцы стали сознательными чадами Православной Церкви.

В 1865 году начальником Алтайской миссии был назначен архимандрит Владимир (Петров)³². Будучи в Казани проездом, он познакомился с организацией крещено-татарских школ по системе Н. И. Ильминского и решил использовать этот опыт на Алтае. Он направил иеромонаха Макария в Казань для изучения школьного дела. Отец Макарий ознакомился с методами обучения крещеных татар полтора года (с июня 1868 года по декабрь 1869 года). Он не только подробно ознакомился с просветительской деятельностью профессора Н. И. Ильминского, но и сам участвовал в жизни крещено-татарских школ. Будучи знатоком церковного пения и имея тонкий вкус, отец Макарий начал приучать мальчиков и девочек исполнять хором на родном языке молитвы «Царю Небесный», «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся», а потом и другие песнопения. Этот добрый почин способствовал тому, что в казанской школе все богослужения упрочились на татарском языке, и их охотно стали посещать взрослые крещеные татары, на которых церковные службы производили неотразимое впечатление³³. В 1868 году иеромонах Макарий совершил впервые литургию на татарском языке.

Труды отца Макария были высоко оценены в Казани. Совет Братства святителя Гурия избрал его пожизненным своим членом, а архиепископ Казанский Антоний ходатайствовал в Святейшем Синоде о возведении его в сан игумена.

По возвращении из Казани отец Макарий устроил в Чопоше³⁴ по типу крещено-татарских школ Н. И. Ильминского училище на семьдесят человек с общежитием. Уже через два года воспитанники добились впечатляющих успехов. Посетивший училище томский губернатор А. П. Супруненко пришел в восхищение от ответов учеников.

Он сообщил об этом министру народного просвещения, ходатайствуя о награждении отца Макария орденом святой Анны³⁵.

Училище в Чопоше в 1872 году выпустило первых учителей для других школ. Ученики руководимого отцом Макарием училища сеяли семена христианской веры в окрестных аилах, куда являлись для чтения по-алтайски назидательных рассказов, бесед, пения и церковных молитв.

Отец Макарий привлекал учащихся к переводческой деятельности. В результате появилась целая библиотека христианской литературы: переводной и оригинальной, печатной и рукописной.

Не только школьное дело требовало постоянных забот и внимания, но и пастырское попечение о новой пастве. За время отсутствия отца Макария на Алтае не во всех местах было всё благополучно. «В Чопоше и Чемале отец Макарий нашел всё в порядке; в глухом же Чулышмане дело обстояло неблагоприятно: местные старшины (зайсаны-язычники) стали преследовать новокрещеных и даже замучили до смерти одну женщину-христианку. Больно заняло сердце отца Макария от таких вестей. С печалью он думал: неужели и сюда, в эти мирные горы, проникла ненависть, которой он всегда боялся и которую старался всемерно искоренять христианской любовью? Как не хотелось ему дать в обиду «кровных» духовных детей! Он желал лучше самому быть уничтоженным злыми зайсанами, чем видеть страдания милых, дорогих ему алтайцев»³⁶.

Но Господь хранил Свое стадо. Язычникам не удалось погасить веру среди просветившихся истиною собратьев. Не только проповеди, но — прежде всего — молитвы ревностного пастыря умиротворили алтайцев. Нестроения прекратились.

29 июля 1871 года иеромонах Макарий был возведен в сан игумена, а в 1875 году стал помощником начальника Алтайской миссии. Назначение это отца Макария не порадовало. Предстоял переезд в Улалу, где был стан миссии. Пастырю тяжело было расставаться с чопошцами и со своим детищем — училищем. Он остался бы при своей пастве, но, как монах, должен был идти на свое новое послушание.

Однажды, когда духовные чада отца Макария собрались тихим вечером исполнять песнопения из любимого на Алтае сборника «Лепта», пастырь сообщил им о новом своем назначении. «Осторожно, любовно сказал он о своем скором отъезде и просил не расстраиваться,

не скорбеть, но нежные слова пастыря вызвали еще большую грусть. Все ясно почувствовали, что их друг и просветитель уже не будет жить с ними. Одна раба Божия заплакала и тихо затянула весьма распространенный на Алтае заунывный кант: "Везде беды, везде напасти". Пение продолжалось недолго: оно сразу же прервалось громкими рыданиями и горестными воплями бывших здесь женщин, детей и даже мужчин. Ничем не стесняемые добрые христианские души изливали искреннюю печаль, теряя навсегда что-то дорогое, святое, ничем не заменимое...»³⁷

Зимой 1881 года игумен Макарий занемог. Приглашенный врач установил тяжелую форму брюшного тифа. У больного был жар. Епископ Владимир (Петров) направил человека с письмом в Улалу, где находился чудотворный образ великомученика и целителя Пантелеимона, с просьбой помолиться о недугующем. Вскоре на имя отца Макария с Афона пришел конверт, в котором была копия с иконы великомученика Пантелеимона. В письме было сказано: «От таких изображений бывают исцеления болящих, притекающих с верою». Отец Макарий положил на грудь изображение и стал молиться, но сил было мало. Приехавший доктор, измерив температуру, сказал, что жар страшно велик. Если не будет печального исхода, жар будет держаться с неделю. Вечером чудесным образом произошла перемена. Через обильный пот жар быстро спал. «Доктор сперва не хотел верить: утром он много возился с больным, желая достигнуть хотя бы небольшого увлажнения кожи, натирая тело мокрыми полотенцами, но результата не достиг никакого, а теперь удивленно и обрадованно заговорил, быстро осмотрев больного:

— Да, действительно... но это удивительно... температура спала... нормальная... это просто чудо!

А владыка с мягкой радостной улыбкой сказал:

— Истинно чудо, а чудотворец наш — в Улале: ему сегодня должны молиться там отцы и братия, и их общая молитва лучше нашей дошла до Бога»³⁸.

С назначением на должность помощника начальника миссии на игумена Макария была возложена ответственность ежегодно обзирать все миссионерские станы и наблюдать за состоянием школьного дела. Опытный и ревностный руководитель оживил дело просвещения и обучения среди алтайцев: улучшилось преподавание, возросло число учащихся.

Новое служебное положение игумена Макария расширяло его возможности проявить инициативу, к которой он всегда был склонен. Труды его усугубились. Он снискал искреннее уважение и любовь архимандрита Владимира. Когда в 1880 году была учреждена Бийская кафедра, а архимандрит Владимир был рукоположен во епископа и поставлен во главе ее, священноначалие определило быть игумену Макарию его преемником по руководству миссией. В 1881 году отцу Макарию был дан сан архимандрита. И в новой должности отец Макарий проявил те незаурядные качества, которые дали возможность исполнить ответственное послушание начальника миссии образцово. Сподвижник его Иннокентий (Соколов), архиепископ Бийский³⁹, выразил это такими словами: «Самая строгая справедливость требует сказать при сем, что каждое из мест, на кои ставился почивший, тотчас возвышалось... и обращало на себя общее внимание. Не только собратия по званию, не только начальники и архипастыри, но самые иногородцы почитали его одним из редких людей своего края. Скажем более: последние благоговели перед своим пастырем, всего себя отдавшего на служение им, на обращение их из пагубной тьмы язычества к спасительному свету веры Христовой, возвещавшим им Божественные евангельские истины родным их языком, утверждавшим их в этих истинах живыми поучениями *благовременне и безвременне* [2 Тим. 4, 2]: и в храме, и в школе, и у домашнего их очага, — учившим словом, а еще более примером своей богоугодной жизни»⁴⁰.

Историк Алтайской миссии современник владыки Макария И. И. Ястребов⁴¹ свидетельствовал о том же: «Даже в самых захолустных уголках, недоступных дебрях и среди язычников имя владыки Макария произносится с великим уважением. Такая популярность достается в удел немногим»⁴².

Сердечное отношение к своим сотрудникам, умение подвигнуть их на труды, организаторские дарования и собственные труды и заботы, а также любовь и уважение алтайцев обеспечили успех его руководству миссией. При нем значительно возросло число станом, церквей, школ, умножилось число крестившихся, расширилась миссия.

Во время его руководства Алтайской миссией раздвинулись и границы миссионерской деятельности. Просветительское влияние распространилось на Киргизию (в 1882 году была открыта Киргизская миссия, которую также возглавлял отец Макарий), Нарымский край,

Минусинский округ. Влияние это шло через воспитанников Бийского училища. Открытое в 1883 году, оно готовило катехизаторов из местных жителей. Сначала его учащиеся сопровождали миссионеров в их поездках, а потом сами стали совершать миссионерские путешествия. Архимандрит Макарий поставил это училище на образцовую высоту. Он вникал во все подробности его жизни. Об уровне обучения в Бийском училище говорит тот факт, что питомцы Улалинского миссионерского училища (основанное в 1867 году архимандритом Владимиром, в 1875 году оно перешло в ведение отца Макария и было доведено им до возможного совершенства) сначала посылались для усовершенствования в Казанскую Духовную семинарию, а с открытием училища в Бийске — в его стены.

Архимандрит Макарий ясно понимал значение в миссионерском деле монастырей на Алтае. В 1881 году Улалинская женская община, основанная еще в 1863 году, стала Николаевским миссионерским монастырем. Некоторые из его сестер стали учительницами миссионерских школ, а несколько других насельниц были посланы в Серафимо-Понетаевский монастырь Нижегородской епархии для обучения иконописи и живописи.

12 февраля 1884 года архимандрит Макарий был рукоположен в епископа Бийского, а его предшественник епископ Владимир был поставлен на Томскую кафедру.

Бийск — город алтайский, поэтому для владыки Макария миссионерская деятельность на Алтае оставалась в центре его трудов. Он уделял много внимания Бийскому Катехизаторскому училищу, где со временем стали обучаться не только алтайцы, но и представители других народностей: шорцы, киргизы, абинцы, матурцы, сагайцы и даже остяки из Нарымского края.

В целях противораскольнической деятельности епископ Макарий учредил в 1884 году в Бийске Братство святителя Димитрия Ростовского. Работе его он придавал большое значение. Сам владыка по несколько раз бывал во всех значительных старообрядческих поселениях епархии, устраивал собеседования с раскольниками.

Обличал он деятельность и ссыльных революционеров, их разлагающее влияние на народ. 22 мая 1886 года ночью был подожжен и сгорел его дом с ценной библиотекой и архивом миссии, а также здание Катехизаторского училища, но епископ Макарий, против которого задумано было это преступление, спасся. Рискуя жизнью, владыка

успел вынести антиминос, Евангелие и потир, находившиеся в его домашней церкви.

26 мая 1891 года владыка Макарий был определен епископом Томским и Семипалатинским (титул несколько раз менялся: с 1905 года — Томский и Барнаульский, с 1908 года — Томский и Алтайский). Управляя обширной епархией, владыка продолжал заниматься миссионерской деятельностью при новых расширившихся возможностях, направлять деятельность миссии своим архипастырским попечением. Он возглавил также Томский комитет Православного миссионерского общества. Миссионерско-просветительскую работу владыка теперь проводил во всей Томской епархии. О возможностях такой работы для него на новом поприще писал профессор Н. И. Ильминский обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву: «Ваша мысль о замещении оной (архиерейской кафедры) Преосвященным Макарием совершенно верная и справедливая. С личной стороны он вполне заслужил своими тридцатилетними трудами повышения. Но гораздо серьезнее само дело. Если сопоставим университет с тысячами разнообразных инородцев, с нуждами и делами миссии, то Преосвященного Макария и заменить-то даже для Томской епархии нечем — кто против него?.. Припоминаю записки одного миссионера (напечатанные), где рассказывается, как Преосвященный Макарий говорил поучение тысячной толпе инородцев — и все смолкли и слушали с благоговением и слезами»⁴³.

Проповеднические труды святителя Макария органично связаны с его миссионерским и святительским служением. Как проповедника его отличает замечательная ревность в исполнении святого завета Апостола: благовествовать благовременно и безвременно (2 Тим. 4, 2). Владыка Макарий учил всегда и везде — не только в храме, но во всех местах, которые он посещал (приходы, школы, общины). Общественные нестроения, волнения и беспорядки революционных лет побуждали святителя произносить проповеди, в которых выражался христианский взгляд на происходящее.

Время не умалило силы слов и поучений святителя. Большинство из них приложимы к нашей жизни: «Итак, что нам делать? — Покаемся, ибо за грехи послана такая буря бедствий на нашу страну. Каждый да познает свой грех и оставит его. Кто грешит отступлением от Бога, пусть возвратится к Богу и к матери своей — Церкви. Кто поклоняется золотому тельцу и мамоне, пусть оставит свое идолопоклонство, зная,

что в день смерти или общей гибели не спасет богатство. Кто предан был пьянству, разврату, пусть начнет борьбу со своими пороками, твердо веря Писанию, что ни блудницы, ни пьяницы Царствия Божия не наследят и что за эти грехи постигает гнев Божий еще в этой жизни (1 Кор. 6, 9–10)»⁴⁴.

Одной из главных забот святителя была его забота о воспитании детей, и он постоянно призывал пастырей относиться к этому вопросу с особой духовной чуткостью. Сознание великой ответственности за духовно-нравственное здоровье детей — будущего поколения православных христиан — побуждало к беседам о христианском воспитании. О многом из того, что было сказано мудрым и опытным архипастырем, полезно задуматься и в наше время: «...помните, родители, что школа не исправит ваших детей, если вы испортите их дома дурным воспитанием. Помните и вы, дети и юноши, что доброе семейное воспитание не сохранит вас от увлечения соблазнами к пороку, если вы не решитесь заранее быть твердыми в добрых правилах воспитания, если не свяжете себя обетом служить Христу даже до смерти и не будете нудить себя ко всякому добру. Помните также и родители, и дети, что человек не может достигнуть желаемого одними своими усилиями, если не будет ему споспешествовать в этом благодать Божия. Поэтому к усилиям вашим присоединяйте усердную молитву к Тому, от Кого исходит всякое благо, Кому возможно то, что невозможно для человека»⁴⁵.

Для регулярного влияния на томское общество проповедью владыка в архиерейском доме выделил помещение, где в течение всего года в воскресные дни преподавались уроки веры путем объяснения Евангелия и изложения православного учения. Сообщались также сведения исторические, с христианских позиций оценивались современные события. В будние же дни там устраивались богословские чтения для интеллигенции. В 1903 году возникли пастырские собрания Томского духовенства и преподавателей духовно-учебных заведений.

Мысль самого святителя, логически стройная и ясная, всегда заключалась в простую форму, достаточно краткую и совершенную. В своих словах и поучениях проповедник часто опирался на Священное Писание, применяя слово Божие к различным обстоятельствам жизни.

Особой заботой владыки была подготовка пастырей и наставников. Воспитательную работу в духовных учебных заведениях он стремился

связать с назревшими потребностями времени. В томских духовных учебных заведениях раньше, чем во многих других епархиях, в программы были включены такие научные дисциплины, как космография, естественная история, химия, гигиена, а также искусства, воспитывающие художественный вкус: музыка, пение, рисование.

Вникал владыка и в материальные нужды учебных заведений, а также воспитателей и учащихся. Внимание к воспитанию и религиозному образованию народа привело к созданию целой сети церковно-приходских школ, которых до Преосвященного Макария в епархии не было. При нем по числу их Томская епархия заняли первое место среди сибирских епархий. Подавая пример духовенству, владыка завел при архиерейском доме школу грамоты, которая со временем стала церковно-учительской. Весь учебный и воспитательный процесс здесь строился по указанию владыки. Ревностный архипастырь даже сам писал для школы изложение истории, христианского домостроительства и главных догматов о Боге и Святой Церкви и ежедневно посещал школу, проверяя знания учеников и общее состояние дела, причем дети, непосредственно чувствуя святительскую ласку, не смущались высокого гостя, не сторонились его, а доверчиво беседовали с владыкой, обнаруживая иногда наивную, но трогательную близость и простоту в общении с ним.

При владыке Макарии и благотворительное дело получило плодотворное развитие. Увеличилось число приходских попечительств. Он основал Томское общество попечения о бедных и бездомных — «Печальник». Для сирот духовного звания был устроен приют; до этого они ютились в холодных и сырых помещениях. По инициативе владыки был создан городской приют для бездомных и нищих людей. Сам он пожертвовал на это крупную сумму (тысячу рублей).

27 октября 1895 года Казанская Духовная академия за многоплодные миссионерские труды избрала владыку Макария своим почетным членом. 6 мая 1903 года он был награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке. 5 мая 1906 года владыка был возведен в сан архиепископа.

Современники, близко знавшие архиепископа Макария, говорят не только об отеческой его любви к своей пастве и ко всем людям вообще, но и об их ответной любви к доброму пастырю. И не только простой народ ценил владыку Макария и воздавал ему должное. Святой равноапостольный Николай (Касаткин)⁴⁶ писал ему: «Течение времени

неуклонно развило Богом данные Вам силы и способности к избранному Вами служению и обогатило Вас опытностью; Ваше усердие к служению приумножило излианные на Вас Господом дары благодати Божией... Вы, постоянно возвышаясь, взошли на вершину священной горы, где сияете ныне светом в виду всего православного народа»⁴⁷.

В ноябре 1912 года будущий священномученик митрополит Московский Владимир (Богоявленский) был переведен на Санкт-Петербургскую кафедру. Обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер предложил на освободившуюся Московскую кафедру кандидатуру архиепископа Антония (Храповицкого). Сначала государь согласился, но через несколько дней переменял решение. 25 ноября 1912 года вышел «Высочайший рескрипт о назначении архиепископа Томского на Московскую митрополию». В нем государь Николай Александрович как бы от лица всего православного народа подводил итог многолетних безукоризненных трудов святителя на благо Церкви: «Ваше служение Святой Христовой Церкви, свыше пятидесяти лет продолжающееся в пределах Томской епархии и отмеченное подвигами ревности Вашей ко просвещению светом Христова учения инородцев Алтая, дало Вам возможность близко ознакомиться с просветительными и миссионерскими нуждами Церкви. С особой ясностью Вы уразумели, сколь трудны задачи духовной школы, призванной подготовить к служению Православной Церкви пастырей просвещенных, твердых в вере, согретых искренней любовью к пастве, ограждающих ее словом истины от всяких заблуждений и способных содействовать поднятию уровня ее нравственного и материального благосостояния...» В конце рескрипта государь выразил твердую надежду, что и «на новом поприще Вы явите себя ревностным и самоотверженным блюстителем интересов и величия Святой Православной Церкви»⁴⁸.

Святитель никогда не стремился занять высокое положение. Во всех своих трудах он не ставил пред собою иной цели, кроме славы Божией и спасения людей. Успешно окончив Духовную семинарию, он отказался от продолжения учебы в Духовной академии и ушел на Алтай проповедовать святое Евангелие.

Принятое с покорностью воле Божией семидесятисемилетним архипастырем назначение на Московскую кафедру было делом жертвенного служения Святой Церкви.

Миссионер по опыту и духу, митрополит Макарий сразу же по вступлении на кафедру стал сопровождать свои богослужения

катехизическими проповедями, и народ в большом количестве соби-
рался в храмы, где служил владыка.

Много внимания уделял митрополит Макарий делу общенародного пения в храмах. Он стремился оздоровить духовное пение и дать такие напевы и слова, которые умиляли бы души и настраивали их духовно. Для тесного сближения с московским духовенством владыка устраивал по благочиниям собрания, на которых всегда бывал сам, совершив перед этим Божественную литургию в главном храме благочиния. «Здесь продолжалось то же учительство, носившее характер святоотеческий... Пастырь во всем должен показывать примеры порядка, как учил святой апостол Павел своего ученика Тимофея: *будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте* (1 Тим. 4, 12). Следуя этому, митрополит Макарий старался по-апостольски наставить подчиненных ему священнослужителей в благочестии, сам во всем являясь поистине образцом для верных. Так, он первый показывал пример благоговейного совершения церковной службы и был носителем страха Божия, утраченного в наш век. Он никогда не допускал в храме усмешки, лишнего слова, свободы движений. И какой контраст приходилось иногда наблюдать в алтаре. После причащения священнослужители ведут обыкновенно друг с другом беседы на злобу дня, суетятся, а старец среди общей суетоки стоит или сидит, погруженный в богомыслие. Подходишь к нему в положенное время за благословением, думаешь что-либо спросить — и не дерзнешь, видя, что всякий вопрос может нарушить его молитвенную сосредоточенность. "Христос среди нас", — кратко скажет он и больше не проронит ни единого слова»⁴⁹.

Митрополит Владимир (Богоявленский) предпринимал титанические усилия по просвещению народа в борьбе с нарастающим неверием и безнравственностью. Теперь эту череду служения продолжил святитель Макарий. История показала, как остро нуждалась в то время Россия во внутренней миссии. Не только далекий Алтай, но и первопрестольная Москва нуждалась в пастырях-подвижниках. Религиозное состояние русского общества (особенно образованной его части) было весьма неблагополучным. Стремительно умножалось число людей, внутренне расцерковленных. Холодная, обрядовая вера делала многих из них безрелигиозными. Мятежно и оппозиционно настроенная часть общества увлекалась различными противохристианскими идеями. В умонастроении интеллигенции преобладали скептицизм и рационализм. О современных ему духовно-нравственных болезнях говорил

святой праведный Иоанн Кронштадтский в «Слове на Новый 1907 год»: «Посмотрите, как мир близится к концу; смотрите, что творится в мире; всюду безверие, всюду наносится оскорбление Существу бесконечному, всеблагому; повсюду хула на Создателя, всюду дерзкое сомнение и неверие, неповиновение... повсюду потеря стремления к высоким, духовным интересам, ибо весь почти интеллигентный мир потерял веру в бессмертие души и вечные ее идеалы...»⁵⁰

Митрополит Макарий, несмотря на свой возраст, был деятелен, интересовался всеми сторонами жизни епархии. Страницы «Московских церковных ведомостей» представляют собой своеобразную летопись его ревностной архипастырской деятельности. Он регулярно выступает с архипастырскими посланиями. В одном из них он обращался к священнослужителям: «...многие пастыри не пасут вверенного им стада, хотя одеваются шерстью и питаются молоком от него. <...> Многие пастыри небрежно относятся к своим пастырским обязанностям: некоторые редко совершают богослужение, особенно литургию, а иные хотя и служат в церкви, но весьма небрежно, в храме так всё убого, уныло, что пасомые охладевают к вере и перестают посещать богослужения...»⁵¹

Своими поездками по епархии владыка стремился возбудить активность внутренней миссии: «Я приехал смотреть не храм ваш и не здания, хотя и это входит в цель моего посещения, но узнать, как устроете вы свой храм духовный, как живете вы, как спасаете души ваши, как преуспеваете в вере и благочестии»⁵². Он посещал местности, которые были центрами старообрядчества (Гуслицы, Павлов, Богородск и другие), с тем, чтобы местным пастырям преподать советы из своего богатого миссионерского опыта.

Как председатель Православного миссионерского общества, владыка много делал для его активизации, укрепления его связи с жизнью. Особой заботой митрополита Макария было учебное дело. Его интересовали не только Московская Духовная академия и другие духовные учебные заведения, но и состояние воспитательного дела в гимназиях и даже в приходских школах.

У митрополита Макария были искренние и духовно-молитвенные отношения с преподобномученицей Елисаветой Феодоровной⁵³. Он нередко посещал Марфо-Мариинскую обитель и выступал там.

Весьма интересен случай исцеления, полученного митрополитом Макарием по молитвам святого праведного Иоанна Кронштадтского,

с которым его связывали тесные духовные узы. Владыка около шести лет страдал болезнью кожи. «Сухая экзема превратилась затем в мокрую, переходила с одной части тела на другую: со ступней ног на голени, оттуда поднималась всё выше и выше, поражая руки и спину. Особенно беспокоила болезнь меня ночью: нужно было вставать в полночь, снимать бинты, старую мазь стирать, смывать, новую намазывать на больные места и опять бинтовать. Так продолжалось до 20 декабря (день кончины отца Иоанна.— *Ред.*) 1913 года. В тот день я приглашен был в Ивановский монастырь⁵⁴ служить литургию в усыпальнице, где погребено тело святочтимого пастыря и молитвенника. После обедни, по обычаю, была отслужена панихида у гробницы почившего. Я просил исцеления. С того же дня началось и мое освобождение от мучительного недуга... Приготовленные на всякий случай снадобья остались без употребления. Тогда мне понятно стало, что со мной совершилось чудо милости Божией по молитвам того, кто еще при жизни прославился как чудотворец»⁵⁵.

Молитвенная жизнь, духовные качества и нравственная настроенность митрополита Макария нам известны из интересных и подробных воспоминаний его помощника епископа Арсения (Жадановского). Сделаем из них выписки: «Митрополит Макарий неопустительно проходил весь круг суточного богослужения, жил жизнью Церкви, ее молитвословиями и воспоминаниями, свой ум и сердце постоянно держал во святом возвышенном настроении, иначе сказать, всегда духовно бодрствовал, вследствие чего праздных разговоров никогда не вел, "шутований" избегал, телесного расслабления не допускал и не терпел осуждения ближних. За последним недостатком он особенно следил и, если в разговоре замечал его за собой или у других, тотчас же прерывал беседу, говоря: "Мы, кажется, впали в осуждение". Во время трапезы владыка просил по монастырскому обычаю читать житие дневного святого или что-либо душеполезное. Такой порядок он старался поддерживать во всех местах, где ему приходилось садиться за стол. В этом отношении исключения не делались ни для торжественных обедов, ни для приемов в светских домах. А если трапеза предлагалась в обители, то она сопровождалась, кроме того, пением духовных кантов сестрами или монахами, чем поддерживалась благоговейная святая обстановка...

Как святитель умел духовно бодрствовать, нам довелось быть свидетелем, когда однажды он проводил Страстную седмицу в Чудовом

монастыре. Никогда не забуду полученного мною тогда от маститого архипастыря великого урока духовного трезвения. Владыка умом и сердцем совершенно удалялся от всяких дел и попечений житейских и земных и весь погружался в богомыслие и молитву, что создавало вокруг него таинственную, благодатную атмосферу. Отраднo было в это время с ним молиться и слушать его духовные наставления. Особенно же он бодрствовал последние три дня перед Пасхой, спал только урывками, не раздеваясь, почти ничего не вкушал, выпивая в пятницу лишь один стакан воды, а в субботу довольствуясь небольшим укрусом хлеба и чашкой чая. Тогда же довелось мне принять его исповедь, подробную и смиренную. Приготовившись таким образом к празднику и пережив со Христом Его страдания и крестную смерть, маститый архипастырь встречал Светлое Воскресение с радостным сердцем, а главное — с необыкновенной бодростью: всю Пасхальную неделю он непрерывно служил в главных храмах Москвы, весело славил Воскресшего Христа, повсюду со всеми беседуя и благословляя народ, и это после Великого поста, когда обыкновенно все пастыри чувствуют усталость и стремятся отдохнуть...

Своим живым примером он сильно влиял на всех, кто его знал и входил с ним в общение. В этом отношении владыка напоминал отца Иоанна Кронштадтского, которого, кстати сказать, весьма почитал, получив даже однажды у гробницы его исцеление... Как видно из сказанного, митрополит Макарий был поистине светильником на свещнице Московской Церкви»⁵⁶.

После отречения государя Николая Александровича от престола и образования Временного правительства начинается вмешательство революционной власти в жизнь Церкви. Эта политика проводилась через назначенного 4 марта обер-прокурора В. Н. Львова⁵⁷, впоследствии порвавшего с Православной Церковью и присоединившегося к обновленческому расколу. Были смещены с занимаемых ими кафедр ряд архиереев.

Святейший Синод 20 марта 1917 года постановил уволить за преклонностью лет на покой митрополита Московского Макария. Этому решению предшествовали грубые действия обер-прокурора Синода Львова. Владыка Макарий сам рассказал о тех мерах воздействия, которые были применены к нему, чтобы получить от него прошение об уходе на покой: «Такое давление совершалось дважды. В первый раз оно выразилось в том, что обер-прокурор, прибыв на митрополичье

подворье в Петрограде с вооруженной стражей, вечером вошел в комнаты митрополита и, подзвав меня к себе жестом руки, выкрикивал по адресу моему: "Распутинец! Распутинец!" Потом, пригрозив Петропавловской крепостью, потребовал, чтобы я тотчас садился писать прошение в Синод об увольнении меня на покой. Требование мною молчаливо было исполнено. Обер-прокурор взял его и на ближайшем синодальном заседании передал его первенствующему члену Святейшего Синода. Но на одном из последующих заседаний это прошение было мне возвращено согласно моей просьбе как написанное под угрозой. Второе мое прошение об увольнении на покой было написано также под давлением того же обер-прокурора. Дело состоялось так быстро, что ни я, ни, вероятно, члены Святейшего Синода не успели справиться с правилами канонов, в которых постановлено: рукописания отречения от управления, вынужденные у епископа страхом или угрозами, недействительны (святителя Кирилла Александрийского правило 3-е)⁵⁸.

Предшествовали увольнению митрополита Макария также собрания части московского священства и мирян, стремившихся вести церковную жизнь «на новых началах». Для них владыка Макарий был «старомонархический» архиерей. В свете выше цитированного заявления владыки можно понять активность выступавших: «Возбуждение московского клира и паствы (далеко не всей) произошло после приезда в Москву обер-прокурора Львова и его агитации среди паствы против своего митрополита — агитации, не согласной ни с существующими канонами, ни с гражданскими узаконениями. Церковные каноны определяют, что если епископ не будет принят (народом) не по своей воле, но по злобе народа, то он да пребывает епископ, клир же града того да будет отлучен за то, что такого непокоривого народа не учили (36-е правило Апостольское; 13-е правило Двукратного собора; 18-е правило IV Вселенского Собора)⁵⁹.

Утверждение, что митрополит Макарий был «ставленником Распутина», казавшееся весьма сильным в глазах некоторых недоброжелателей, в действительности было ложью. Искренний, честный, прямой владыка свидетельствовал: «С Распутиным я не имел никакого знакомства до назначения меня на Московскую кафедру, ни личного, ни письменного, ни через каких-либо посредников. Только по назначении моем на Московскую кафедру я получил в числе других коротенькую поздравительную телеграмму, подписанную неизвестным мне Григорием Новых⁶⁰. По прибытии в Москву, подобно другим посетителям, пришел

ко мне и Распутин. Это было мое краткое — первое и последнее — свидание с ним»⁶¹.

Митрополиту не разрешили жить в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Он переехал в Зосимову Смоленскую пустынь⁶², но и ее попросили его покинуть. Местом его пребывания определили подмосковный Николо-Угрешский монастырь. Когда после случившихся событий епископ Арсений (Жадановский) был в Серпухове, то священнослужители города говорили о своем несогласии с удалением митрополита. Они составили от лица священства города и уезда послание, в котором выражали свою преданность и любовь к старцу-святителю. «Это заявление мы отвезли владыке Макарию, и он с кротостью и смирением просил передать всем благословение, а на бумаге написал: "Бог простит. Прошу и я прощения, да покроет всех нас Господь Своей милостью..." Вначале огорченный, старец потом с радостью прощал всех приходящих к нему, видя в этом залог для привлечения благодати и милосердия Божия на люди согрешившия».

Владыка прожил в Николо-Угрешском монастыре восемь лет. Имея призвание благовествовать Христово учение, учить и преподавать о Христе Спасителе, он был лишен такой возможности и находился в «заточении», как он сам называл свое положение. Это было причиной его душевных страданий. Когда открылся в августе 1917 года Всероссийский Поместный Собор, владыка подал прошение рассмотреть его дело. Его поддержали сибирские иерархи, внесшие запрос о скорейшей ликвидации дела митрополита Макария. «Собор внял наконец настойчивому ходатайству архипастырей-миссионеров и вынес полное оправдание святителю-изгнаннику. К сожалению, это постановление не было объявлено всецерковно, а лишь негласно сообщено ему одному»⁶³.

Привыкший к деятельности, святитель просил назначить его на другую кафедру. Дело завершилось только три года спустя, когда он был утвержден Святейшим Патриархом Тихоном в звании митрополита Алтайского. Одновременно Преосвященному Иннокентию, епископу Бийскому, было послано указание в пределах Алтайских поминать владыку Макария митрополитом Алтайским. Святитель Тихон уведомил владыку Макария письмом: «Высокопреосвященнейший владыко! Приношу Вашему Высокопреосвященству благодарность за Ваш привет. Скорблю о Вашем недомогании. Господь да подкрепит Вас! Предлагаю Священному Синоду во внимание к Вашим пятидесятилетним трудам на Алтае сохранить за Вами пожизненно титул митрополита

Алтайского. Поправляйтесь здоровьем, дабы возможно было и приехать на Алтай. Прошу Ваших святых молитв и с братской любовью остаюсь Ваш покорнейший послушник Патриарх Тихон. 19 августа 1920 года. Москва»⁶⁴.

В Николо-Угрешском монастыре митрополита Макария дважды посещали с обыском (20 июля и 20 октября 1918 года). Представители власти унесли ценные документы: дневники за 1915–1917 годы и десять папок, в которых содержались проповеди, письма, бумаги по Алтаю и Москве и прочие документы. Живя в Николо-Угрешском монастыре, святитель 3 октября 1918 года подвергся нападению вооруженных бандитов. Подробности об этом мы узнаем из письма владыки от 11 октября на имя Святейшего Патриарха Тихона: «В 6 часов вечера сказанного числа, когда началось вечернее богослужение в моей домово́й церкви, вошли несколько вооруженных револьверами лиц через парадную лестницу прямо в алтарь, а оттуда в смежный молитвенный зал, где, по обычаю, я нахожусь во время богослужения... Старший, бывший во главе пришедших, предложил мне сесть и начал делать допрос в грубой форме о хранении денежных капиталов и моей ризницы... Не найдя там искомого, он дерзко стал требовать указать место хранения денег, при этом начал угрожать расстрелом. Услышав в ответ, что я запасных капиталов не имею, содержусь на средства пенсии и при помощи монастыря, он направил на меня револьвер, который держал в руке. На это я ответил, что смерть нам, христианам, не страшна, я готов, и, перекрестившись, оборотился к нему грудью, ожидая выстрела, но такового не последовало. Разгневанный неудачей своей, он подошел и сделал мне оскорбление рукой»⁶⁵. Святитель со святым христианским смирением перенес эти злострадания. В «Воспоминаниях» епископа Арсения содержатся дополнения к рассказу митрополита: «...проставив револьвер, стали угрожать смертью, настойчиво требуя денег, которых никогда не было у нестяжательного старца. Одев на себя облачение и митру, бесстыжие люди издевались над владыкой, а один из них, с папирской во рту, сорвал крестик со скуфьи, бывшей на голове архиерея Божия, и рванул его за бороду. "Что ты кощунствуешь? — кротко спросил старец. — Неужели Бога не боишься?" Спустя некоторое время келейник владыки встретил в Москве на улице одного из участников грабежа, который остановил его и спросил: "Вы из Угреши, от митрополита? Передайте ему, что я прошу у него прощения. Мне стыдно вспомнить, как мы с ним обошлись". Когда старцу передали

об этом, он перекрестился и сказал: "Слава Богу, совесть заговорила. Я давно всё им простил"»⁶⁶.

После пережитого у владыки появилось желание перейти в одну из обителей в соседстве со Свято-Троицкой Сергиевой Лаврой. Об этом он 19 ноября 1918 года написал Святейшему Патриарху Тихону. В этом же письме сообщал о своем намерении посетить Болховский монастырь Орловской епархии, где погребен основатель Алтайской миссии архимандрит Макарий (Глухарев).

Некоторое время спустя митрополит Макарий оставил свое желание покинуть Угрешу после того, как во сне увидел свою мать. Она явилась к нему в дом, осмотрела всё вокруг, накинула крючки на все двери. Из этого сонного видения он заключил, что ему должно остаться в Николо-Угрешском монастыре. По праздничным и воскресным дням владыка служил в соборе монастыря, произносил проповеди, принимал на благословение народ, общался со своими духовными чадами, которые приезжали к нему.

Он пользовался любой возможностью учить и наставлять детей. Приходили к нему дети не только жившие близко, но и из местной колонии. Они очень любили посещать старца. Ольга Серафимовна Дефендова, ухаживавшая за митрополитом, рассказывала: «В утешение святителю дети говорили стишки, читали молитвы, пели из "Лепты", а он учил их Священной истории, задавал уроки, спрашивал и вразумлял. В праздники малыши прибегали к обедне, а в дни Ангела непременно исповедовались и причащались... Дети очень любили старца и не боялись его: трехлетние малютки говорили ему стишки и льнули к нему своей ангельской душой... Так утешали дети святого нашего старца, он же всем им отвечал одинаковой любовью и лаской. Трогательно было всё это видеть и наблюдать».

Большую радость доставляли владыке Макарию посещения духовно близких ему людей. Несколько раз приезжал к нему в Николо-Угрешский монастырь Святейший Патриарх Тихон. Сохранилась совместная фотография. Бывал у митрополита Макария архиепископ Бийский Иннокентий, обсуждавший с ним миссионерские дела на Алтае. Особое внимание оказывал владыке Макарию благоговейно чтивший его епископ Серпуховской Арсений.

Когда почил Святейший Патриарх Тихон, владыка Макарий сожалел, что не может присутствовать на его похоронах. А когда Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Петр (Полянский) приехал

к старцу просить благословения на новое, в высшей степени ответственное свое служение, владыка Макарий с любовью принял его, отзываясь о нем как о человеке достойном, простой души, и в знак расположения подарил ему свой белый клобук.

Посещали владыку и московские батюшки вместе со своими приходами. Летом 1923 и 1924 года с многочисленной паствой посещал старца протоиерей Сергей (Мечёв)⁶⁷, называвший митрополита Макария «живым русским святым».

Митрополит Макарий имел открытый и благорасположенный к людям характер. Утешался, когда посещали его, особенно духовные лица. Искренне страдал за других и соболезновал несчастным. «Зимой, поддерживая тепло, скорбел о тех, у кого холодно, и всем окружающим и посторонним посетителям разрешал у себя греться (дров не хватало, и потому обогревалась только небольшая часть монастыря), даже на лежанку прилечь... Вообще вся обстановка личной, келейной его жизни дышала патриархальной простотой, и людей он любил»⁶⁸.

Вечером 7 (20) августа 1920 года владыку постигла болезнь, которая до конца жизни изменила внешний строй его жизни, — частичный паралич. Но и в болезни вел он жизнь высоко молитвенную, подвижническую. Вставая в половине пятого, читал утренние молитвы, дневной Апостол, Евангелие, толкование, синодик, третий, шестой и девятый часы, садился за работу. В 7 часов молился за литургией, вычитывая по Служебнику все молитвы. После скромного кушания вновь садился за труды. В праздности не находил ни единого часа. В течение дня по четкам он совершал особое правило, молясь Спасителю, Божией Матери и многим святым, которых особо чтит. После вечерней службы старец продолжал занятия или читал духовные книги. Спал всегда в подряснике, урывками, прерывая сон ради духовного бодрствования. В 12 часов ночи вычитывал полунощницу. Болезни владыка переносил просто и без ропота. Почти постоянное самоукорение было его обычным настроением. Порой оно было настолько сильным, что ему приходили мысли о своей неготовности к смерти. Нередко говорил: «Не готов я. Какой ответ дам Богу, что отвечаю, чем оправдаюсь? Добрых дел не имею, а всё сделанное — не мое».

В 1925 году, ввиду закрытия по требованию властей Николо-Угрешского монастыря, духовные чада подыскивали для митрополита Макария дом в южной части села Котельники (недалеко от станции Люберцы), и 2 мая святитель Макарий и тринадцать человек, проживавших с ним

в архиерейском доме Николо-Угрешского монастыря, выехали в Котельники. Во время переезда владыка увидел, что выносят на подводу его гроб, и произнес: «А вот и он едет с нами, это хорошо. Ничего больше не надо человеку, кроме такого гробика, а мы всё суетимся».

В феврале 1926 года владыка заболел воспалением легких. За несколько дней до смерти он не принимал пищу и не говорил. 16 февраля (1 марта) над ним было совершено Таинство святого елея архиепископом Иннокентием, епископом Арсением и другими приходившими из Москвы пастырями. Болящий владыка признавал происходящее. Глаза его были открыты, сам он держал свечу. В 5 часов вечера 16 февраля в келье митрополита Макария была совершена всенощная в память священномученика Ермогена. Владыка лежал тихо и спокойно. После окончания службы все вышли из комнаты, но через полчаса сестра милосердия сообщила, что владыка умирает. Преосвященный Арсений дважды прочел отходную. «Едва я кончил, как святитель Божий, глубоко вздохнув, тихо предал дух свой Господу...»⁶⁹ Панихиды над телом почившего митрополита Макария служились вплоть до выноса тела в храм в 5 часов вечера 18 февраля.

19 февраля архиепископом Иннокентием при сослужении шести епископов и семидесяти девяти священнослужителей в храме Казанской иконы Божией Матери села Котельники были совершены заупокойная литургия и отпевание. Похоронен был митрополит в ограде, близ алтаря церкви.

16 апреля 1957 года Святейшим Патриархом Алексием I была учреждена комиссия, которая освидетельствовала могилу владыки. Гроб почти весь разрушился (осталась лишь нижняя доска), а тело и облачения были нетленными. Тело митрополита Макария было перенесено в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру и погребено в нижней части Успенского собора.

На Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 года митрополит Макарий был прославлен наряду со многими подвижниками веры и благочестия (в том числе и с преподобным Макарием (Глухаревым), просветителем Алтая), Собором новомучеников и исповедников Российских в лике святых.

Память святителя Макария, митрополита Московского, просветителя Алтая, совершается в день его кончины 16 февраля (1 марта).

